

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПРЕМЬЕРА

Не просто кот

Пермский театр кукол представил детский спектакль Александра Янушкевича

Юлия Баталина

Это вторая премьера нового театрального сезона. Первая — «Оле Лукойе» — прошла в ТЮЗе; там «семейный подряд» Жарковых: мама Татьяна — режиссёр, папа Юрий — художник и дочь Ксения — драматург и актриса — создали весьма зрелищный спектакль по сказкам Ханса Кристиана Андерсена. Самое примечательное в нём — драматургический дебют Ксении Жарковой, которая отважно взялась за материал, в котором неплохо отметились такие видные авторы, как, например, Евгений Шварц. Мастерство, которое Ксения отточила, сочиняя для театра остроумнейшие капустники, в полной мере сказалось в создании пьесы. Ну и, конечно, яркие костюмы, музыка, песни, танцы... Словом, к новому сезону ТЮЗ обзавёлся крепким спектаклем для основной целевой аудитории, который будет в репертуаре долго-долго-долго.

С премьерой в Театре кукол — совсем другая история: это первый детский спектакль, который в Перми поставил новый художественный руководитель театра Александр Янушкевич. В прошлом сезоне он сделал два спектакля для взрослых — «Нармахнар» и «Толстая тетрадь», в которых продемонстрировал весьма неординарное художественное мышление и совершенно особый — «кукольный» — подход к театральному материалу. Теперь пришла очередь детской постановки, и выбор пал на «Кота в сапогах», поскольку, по словам Янушкевича, он просто обязан быть в репертуаре детского театра.

«Кукольный» художник не стал делать инсценировку сказки Шарля Перро: в качестве литературной основы выбрана стихотворная пьеса Хайнца Калау в талантливейшем переводе Льва Гинзбурга. Складные, бодрые, остроумные строки существенно облегчили детям восприятие, прямо скажем, достаточно непривычного зрелища.

Янушкевич и художник-постановщик Людмила Скитович, которая в 2014 году вместе с режиссёром номинировалась на «Золотую маску» за спектакль «Эдип» в курганском театре «Гулливер», не стараются «сделать нам красиво». Их сценическое пространство — это пространство игры-самоделки, картонного царства, которое могли бы смастерить сами дети (конечно, с помощью родителей), — с кривоватыми колёсами и шестерёнками, оглушительно хлопающими дверями и дверцами, верёвочными передачами. Здесь всё движется и всё взаимосвязано, как в машине Руба Голдберга. В этой неказистой на первый взгляд декорации-ширме заключена целая прорва изобретательности: вот один из актёров дует на колесо, колесо вертится, появляется мучной «дымок». Стало быть, это мельница. Как в настоящей детской игре, условностей здесь больше, чем реализма: это «как бы мельница», мельница понарошку, созданная для игры из подручных средств.

И так везде. Вы не увидите ни полей и лесов, ни замка людоеда (в пьесе Калау он Волшебник). Янушкевич сотоварищи

справедливо рассудили, что для кукольного театра добиваться внешнего сходства декораций с реальными предметами, строить на сцене замки с башнями и мельницы с лопастями, ну, совсем излишне. Ведь если дети играют в «Кота в сапогах» у себя дома, то замком вполне может стать комод, а полем — кровать! И ничего, играется!

Иное дело — куклы. Они должны быть настоящие, ведь они — главное, что нужно для игры. Янушкевич и Скитович не стали мелочиться и сделали кукол гораздо больше, чем в пьесе персонажей. Король, принцесса, сын мельника Стефан — все они существуют на сцене в нескольких «экземплярах», поменьше и побольше: благодаря изменению размеров кукол в спектакле создаются «крупный» и «общий» планы, как будто появляется перспектива.

А уж Кот... По словам Янушкевича, «Кот в сапогах» — это сказка о том, «как из ничего сделать всё». Вот и Кот на сцене делается «из ничего», точнее, из подручных средств: сапоги, шляпа, накидка

и котья морда — и готов весьма обаятельный персонаж. Есть, конечно, и просто кукла — Котов, как и других главных героев, несколько, иначе он не смог бы так быстро перемещаться по сцене и меняться в размерах. Этот Кот — явный родственник Чеширского: пасть у него больше головы, а голова порой существует отдельно от тела.

При таком буйстве креатива особенно любопытно было посмотреть, как авторы спектакля сотворят Волшебника. И они оправдали ожидания: грандиозная фигура создаётся пятью артистами, а в нужный момент на раз-два-три из тех же элементов складывается лев, в которого превратился подначенный Котом антагонист.

Множество режиссёрских придумок делают пермского «Кота в сапогах» сплошной чередой мини-аттракционов. Но при этом не забыт и стиль: игра игрой, но нельзя упустить дух старой доброй Европы. За него в спектакле отвечает специально написанная белорусским композитором Александром

Литвиновским музыка — изящная стилизация под средневековье, — а также декоративный задник, имитирующий орнаменты старинных гобеленов.

Как во всех спектаклях Янушкевича, актёры за ширмой почти не прячутся. Режиссёр и труппа не пытаются сделать вид, что куклы сами движутся и говорят (ни у одной куклы, кроме Кота, рот вообще не открывается): ими играют люди, и, как в настоящей детской игре, героем является и кукла, и играющий ею человек. Актёры, которые при новом худруке «вышли из тени», очевидно благодарны за это и работают просто самозабвенно.

А вот Кот как персонаж не простой, а волшебный, действует как бы сам, актёра не видно. Тем не менее ни этот герой, ни спектакль вообще не состоялись бы без мастерства номинанта «Золотой маски» Андрея Тетюрина, чей пластичный, с очень верными интонациями голос и удивительное умение сжиться с куклой просто поражают.

«Кот в сапогах» от Александра Янушкевича — это не просто ещё один спектакль, это принципиально новое явление в пермском театре. Дети — очень благодарная публика, они с удовольствием смотрят любую волшебную сказку, даже в самом банальном исполнении. В банальном для них даже как бы и лучше: дети нелегко воспринимают новую эстетику. Вот и на премьере «Кота в сапогах» в зале раздавались бесконечные «почему», и даже были слёзы. Спектакль предназначен для детей от пяти лет, но в зале явно были трёх-четырёхлетние, и кое-кому пришлось удалиться в перерыве, не дожидаясь второго отделения: ведь на сцене всё было так непривычно — ну, совсем не так, как в стандартном детском театре! — что малышня попросту испугалась.

И всё же большинство осталось. А поскольку за «Котом», будем надеяться, последуют и другие новаторские кукольные спектакли, у Перми появляется шанс вырастить новое поколение, толерантное к современному искусству и к непривычным эстетическим системам вообще; поколение, умеющее, по выражению братьев Стругацких, «желать странного».

ФОТО КОНСТАНТИН ДОЛГАНОВСКИЙ

